

Ll $\frac{364}{119}$

B.1. ll 1910

Чернышев

У $\frac{564}{119}$

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Курсъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ
въ 1907—1908 г.

С. К. Кузнецовымъ.

Выпускъ I.

(меря, мещера, мурома, весь).

Изданіе Московскаго Археологическаго Института.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

У 564
119

1
96

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Курсъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ
въ 1907—1908 г.

С. К. Кузнецовымъ.

Выпускъ I.

(мера, мещера, мурома, весь).

Изданіе Московскаго Археологическаго Института.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.
1910.

РАССКАЗ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

7407-46

В дар от Е.И.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института.
15 марта 1910.

Директоръ Александръ Успенскій.

Настоящій курсъ появляется въ свѣтъ въ крайне несовершенномъ видѣ. Причинъ тому нѣсколько, но самая важная—необходимость дать многочисленнымъ слушателямъ руководство по предмету, который въ русской исторической наукѣ, можно сказать, едва затронуть. Последнее обстоятельство, въ связи съ ясными для самого автора недостатками курса, какъ бы даетъ право выпустить трудъ этотъ «на правахъ рукописи»; это спасло бы автора отъ неблагоприятной критики, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишило бы его возможности выслушать компетентный отзывъ русскихъ ученыхъ, который столь дорогъ и желателенъ для автора, отдавшаго обширному труду по исторической географіи сѣверо-восточной Россіи болѣе двадцати лѣтъ своей жизни, притомъ при довольно неблагоприятныхъ условіяхъ.

Выходящій въ свѣтъ выпускъ обнимаетъ лишь начало обширнаго труда, имѣющаго появляться по частямъ. Методъ автора съ надлежащею ясностью изложенъ во вступительной лекціи и проведенъ будетъ до конца. Спѣшность печатанія помѣшала использовать во всей полнотѣ хорографическій матеріалъ, т. е. богатѣйшую область географической номенклатуры, и такимъ образомъ во многихъ случаяхъ текстъ можетъ представиться читателю недостаточно подкрѣпленнымъ хорографическими данными. Съ одной стороны это справедливо, но съ другой—слишкомъ бы пестрило текстъ и, пожалуй, вызывало бы чувство нѣкоторой досады на автора; вотъ почему чисто хорографическій матеріалъ отнесенъ ко второму выпуску, въ которомъ данъ будетъ обзоръ обширной литературы, главнымъ образомъ—провинціальной, мало кому

доступной и трудно находимой даже въ Москвѣ, съ ея богатыми книгохранилищами; тамъ же будутъ приведены объясненія хорографическихъ названій (селеній, горъ, рѣкъ, озеръ и проч.) по губерніямъ, чтобы облегчить разнаго рода справки для желающихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ко второму выпуску отнесены нѣкоторыя поправки и дополненія къ тексту лекцій, равно опечатки (правда—немногочисленныя).

Излишне говорить о томъ, почему авторъ избралъ для своего курса территорію инородческихъ, преимущественно финскихъ племенъ: о славянскихъ племенахъ писалось достаточно, а теперь наступаетъ очередь финскихъ племенъ, частью исчезнувшихъ съ лица земли, частью сохранившихся до нашихъ временъ. Давно пора заняться ими и прослѣдить ихъ судьбу въ отдаленномъ прошломъ.

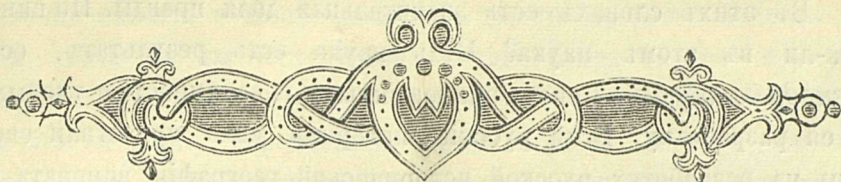
С. К. Кузнецовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	
Объемъ и методъ русской исторической географіи	1— 11.
Обзоръ извѣстій Начальной лѣтописи о финнахъ С.-В. Россіи.	12— 21.
Обозрѣніе прочихъ лѣтописей, сборниковъ историческихъ актовъ и справочныхъ словарей.	22— 28.
Обзоръ извѣстій восточныхъ и западноевропейскихъ путе- шественниковъ о С.-В. Россіи.	29— 39.
Методъ изученія хорографическихъ названій.	40— 47.
Анализъ хорографическихъ названій Мерянской земли. . .	48— 72.
Результаты анализа хорографическихъ названій Мерянской земли.	73— 77.
Результаты раскопокъ въ Мерянской землѣ.	78— 96.
Мещера и Мещерская земля	97—107.
Мурома и Муромская земля.	108—127.
Страна вятичей и верхнеокская меря	128—140.
Результаты раскопокъ въ верхнеокскомъ районѣ.	141—150.
Весы.	151—163.
Результаты раскопокъ въ странѣ веси.	164—170.
Шаманство и городища Дьякова типа	171—174.
Религіозное значеніе городищъ Дьякова типа.	175—180.
Рѣка Волга. Болгарія и Булгаръ на Волгѣ. Значеніе слова «болгаринъ»	181—197.

Объемъ и методъ русской исторической географіи.

два-ли я ошибусь, если скажу, что содержаніе той науки, которую мнѣ предстоитъ излагать—русской исторической географіи—крайне неопредѣленно, самое понятіе о ней крайне смутно. Она такъ недавно еще появилась въ нашихъ университетахъ (всего какихъ-нибудь 25 лѣтъ), ея методъ такъ еще невыработанъ, что она съ трудомъ влечитъ свое существованіе, въ самомъ лучшемъ случаѣ болѣе или менѣе удовлетворительно излагая только исторію колонизаціоннаго движенія русскаго племени. Намъ говорятъ, что „самое существованіе науки исторической географіи представляется чѣмъ-то фиктивнымъ; что, состоя по частямъ изъ выводовъ языковѣданія и археологіи, наша наука получаетъ свой видъ и построеніе изъ такого посторонняго источника и по такому неустойчивому методу, которые скорѣе даютъ понятіе о какомъ-то *искусствѣ* исторической географіи, чѣмъ о наукѣ“. Намъ говорятъ, что „это искусство состоитъ въ сближеніи и объединеніи выводовъ той и другой науки—языковѣданія и археологіи, и вотъ, если въ этихъ выводахъ есть противорѣчіе, то оно отзовется на тѣхъ или иныхъ построеніяхъ историка-географа“¹⁾.

¹⁾ Слова проф. *Середонина* во вступительной его лекціи къ курсу русской исторической географіи, чит. въ Слб. Археологич. институтѣ въ 1897 г.

Въ этихъ словахъ есть значительная доля правды. Но виновата-ли въ этомъ наука? Вѣдь наука есть результатъ, есть *равнодѣйствующая* сила, приложенныхъ совокупностью ученыхъ на ея разработку. Если русскіе историки мало прилагали свои силы на разработку русской исторической географіи, виновата-ли она, что должна довольствоваться случайными подачками, падающими ей со стола археологіи и лингвистики?

Конечно нѣтъ... До тѣхъ поръ пока задачей исторической географіи считали только опредѣленіе территоріи даннаго народа или государства, опредѣленіе однихъ его политическихъ границъ, пользуясь для этого исключительно лѣтописными данными, дѣло представлялось сравнительно легкимъ. Но давно уже, начиная съ XVIII в., особенно съ знаменитаго труда *Mannert-Ukert* а, объемъ исторической географіи значительно расширяется: въ нее начинаютъ вносить опредѣленіе географическихъ пунктовъ, имѣющихъ отношеніе къ территоріи даннаго государства—рѣкъ, городовъ, урочищъ, горъ и пр., отысканіе которыхъ для обыкновеннаго смертнаго представляетъ извѣстныя трудности. Трудно было, разумѣется, ограничиться одною территоріей съ ея орографіей (описаніемъ поверхности), гидрографіей (очеркомъ орошенія) да населенными пунктами: разъ заходила рѣчь о мѣстахъ поселеній, нельзя было умолчать о самомъ населеніи, и въ этомъ пунктѣ историческая географія уже входила въ область *этнографіи*. Приходилось касаться не только того племени или народа, который на данной территоріи съумѣлъ обособиться въ извѣстную политическую единицу, но коснуться и всѣхъ вообще смѣнъ народностей, которыя имѣли мѣсто по отношенію къ данной территоріи, говорить объ ихъ вѣрованіяхъ, бытѣ и образѣ жизни, поскольку, разумѣется, это возможно сдѣлать на основаніи историческихъ свидѣтельствъ. Внесеніе этнографическаго элемента въ историческую географію вводитъ въ послѣднюю струю совершенно новую, по самому существу своему способную придать ея содержанию значительное оживленіе, обогатить это содержаніе.

Но уже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на такую постановку исторической географіи, какъ науки въ строгомъ смыслѣ слова, замѣтенъ существенный пробѣлъ въ ея содержаніи: недо-

статочно сказать о географическомъ распространеніи даннаго народа, хотя бы мы обстоятельно остановились на оро- и гидрографическихъ особенностяхъ занимаемой имъ территоріи; мало указать на смѣну народностей данной страны, на ихъ бытовья особенности, руководствуясь писанными источниками, дошедшими до насъ отъ болѣе или менѣе отдаленной древности, — необходимо выяснитъ еще степень матеріальной культуры даннаго народа. Вотъ эта именно послѣдняя необходимость заставляетъ еще шире раздвинуть рамки русской исторической географіи, — привлечь къ ней результаты *археологии*, иначе наука наша представится крайне односторонней.

Я считалъ необходимымъ предпослать эти общія соображенія, эти минимальныя, такъ сказать, требованія, какія можно приложить къ исторической географіи вообще. По отношенію къ нашему обширному отечеству задача исторической географіи въ значительной степени усложняется. На протяженіи слишкомъ 1000 лѣтняго своего существованія территорія Россіи была театромъ столькихъ передвиженій народовъ, границы входившихъ въ составъ ея княжествъ и иноплеменныхъ царствъ столько разъ измѣнялись, инородческія племена такъ часто передвигали мѣста своихъ кочевій и осѣдлыхъ поселеній, при чемъ населенныя и цвѣтущія мѣстности нерѣдко разорялись и становились безлюдной пустыней, а дремучіе лѣса обращались въ распаханныя поля и обратно, — что все это въ совокупности представляетъ значительныя трудности для изученія и систематическаго изложенія. Но если мы не ограничимся одними славянскими племенами (да и можетъ-ли *только на нихъ* остановиться русскій историческій географъ?), если мы подвергнемъ подробному обзору судьбы различныхъ инородческихъ племенъ, разсѣянныхъ по лицу земли Русской, задача наша значительно усложнится; въ особенности трудна она будетъ по отношенію къ племенамъ исчезнувшимъ, отъ которыхъ дошли до насъ лишь краткія, мало вразумительныя лѣтописныя извѣстія да тѣ жалкіе остатки языка, которые сохранились въ хорографическихъ названіяхъ, т. е. въ названіяхъ мѣстностей (горь, рѣкъ, озеръ и проч.) занимаемой ими нѣкогда территоріи.

licher Völker (Leipzig. 1774. Стр. 36); эта гипотеза была принята всѣми. Уже Шлѣцеръ („Несторъ“, часть I, гл. X, стр. 196) говоритъ: „никто не сомнѣвается, что болгары заимствовали свое имя отъ р. Волги, по берегамъ которой они обитали“.

Историкъ Энгель (Fortsetzung der allgemeinen Weltgeschichte. Halle. 1797. Seite 293 u. folg.) производитъ *буларъ* отъ р. Волги, такъ какъ еще Несторъ раздѣлялъ ихъ на болгаръ *волошскихъ*, или просто волохи, и болгаръ *камскихъ*; однако болгары совсѣмъ не валахи, т. е. румыны, но *волохи*—жители Волги. При этомъ Энгель не объясняетъ намъ, какимъ образомъ слово *буларъ* могло произойти отъ слова Волга.

Рейнелъ въ своей книгѣ (Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha. 1796. Bd I, 65) указываетъ на тотъ фактъ, что татары будто бы всегда называютъ Волгу *Була*, тогда какъ народы Кавказа называютъ ее *Эмель*, или *Эмилъ*; это показалось очень убѣдительнымъ для Энгеля, и онъ распространился по этому поводу въ предисловіи къ своей книгѣ.

Карамзинъ равнымъ образомъ производитъ *буларъ* отъ *Волга*, но съ тѣмъ различіемъ, что, по его мнѣнію, и сама Волга нѣкогда называлась *Буларъ*, какъ еще раньше утверждалъ это ученый Herbelot (Bibliothèque orientale. Maestricht. 1776. Fol., p. 197). Но для Карамзина остается нерѣшеннымъ вопросъ, народъ-ли получилъ свое имя отъ рѣки, или наоборотъ (Ист. Госуд. Росс. Т. I, прим. 41).

Теорія *тюрко-татарская* значительно оживилась со времени Zeuss'a (Die Deutschen und die Nachbarstämme. München. 1837. 8°), который предполагаетъ, что страна болгаръ первоначально называлась Буларъ и что такое названіе дано было самими жителями, но при этомъ совершенно не допускаетъ возможности объяснять это имя изъ чисто славянскаго названія р. Волги. Такимъ же образомъ поступаютъ и всѣ его послѣдователи.

Такъ, напр., Томашекъ, возражая Рёслеру противъ его толкованія слова *буларъ*—„народъ на водѣ“; говоритъ, что корень *бул* нигдѣ не встрѣчается. Томашекъ рассматриваетъ слово Волга какъ финское, потому что одни только черемисы сохранили нѣсколько похожее слово *jul* (юл, йул)—*wil'* (?), тогда какъ по-тюркски Волга наз. Эмилъ, Адиль. Признавая болгаръ смѣшеніемъ различныхъ тюрк-

скихъ народностей, Томашекъ приходитъ къ заключенію, что самое имя ихъ *булар*, *бюлар* можетъ обозначить не болѣе, ни менѣе, какъ „смѣшеніе“, отъ тюркскаго *буламак*—„смѣшивать“.

По мнѣнію извѣстнаго венгерскаго ученаго *Вамбери* *), „*булар*“ въ переводѣ значить „неспокойный, бунтующій, бурный, волнующійся“; это будетъ аористъ отъ глагола *буламак*, который въ тюркскомъ языкѣ употребляется вмѣсто нарѣчія, подобно тому какъ образовано племенное названіе киргизъ—*казак*“, отъ глагола *каз*—блуждать.

Другой венгерскій ученый *Мункачи* (*Ethnographia*, Budapest. VI, 380), разбирая формы *биѣр*, *бюлар*, *бюлар*, *булар*, *булар*, приходитъ къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ именемъ сложнымъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ гармонія гласныхъ. Въ вотскомъ словѣ *биѣр* видитъ онъ существительное, составленное изъ имени числительнаго и тюркскаго слова *угур*; такимъ образомъ *биѣр*, изъ котораго произошла вторичная форма *бюлар*, будетъ значить, по Мункачи, „пять угуровъ“, подобно тому какъ *ун+угур* будетъ значить „десять угуровъ“ (потому что *билъ*—чувашск. *милек*, тюркск. *беш*, значить „пять“).

Золотницкій всѣхъ подробнѣе разбираетъ вопросъ о происхожденіи слова *булар* („Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваша“; напечатана въ Изв. Казанск. Общ. Археол. 1884, т. III, стр. 35—56). Для рѣшенія вопроса о томъ, что первоначально называлось именемъ *булар*,—городъ или страна,—Золотницкій считаетъ нужнымъ опредѣлить значеніе самаго имени и разложить его на составныя части, примѣняя законы сравнительнаго языковѣдѣнія, особенно законъ гармоніи гласныхъ. По внѣшнему виду слово это чисто тюркское; прежде всего бросается въ глаза окончаніе *ар*, которое есть ничто иное, какъ джагатайское *jer*, татарск. *jir*, кирг. и алтайск. *jer*, чувашск. *sir*, башк., зыр. и якутск. *sir*, и значить „земля, страна, мѣстность“. Что касается другой половины слова, то Золотницкій выводитъ ее отъ имени *бюлар*, которое арабы, согласно фонетикѣ своего языка, передѣляли въ *булар*; присоединяя сюда вотскую форму *бийер*, Золотницкій получилъ такимъ образомъ

*) Der Ursprung der Magyaren. Leipzig. 1882. Стр. 50.

три формы одного и того же имени, изъ которыхъ послѣднюю онъ считаетъ болѣе чистою, такъ какъ вотяки были сосѣдями болгаръ въ эпоху Българскаго царства. Выводъ Золотницкаго тотъ, что слово *бумарь* составлено изъ двухъ тюрко-болгарскихъ слов: *бийик* (турецк. *бийукъ*)—большой, главный и *йерь* (татар. *йирь*)—земля, страна, мѣстность, и будетъ значить по-русски „главное мѣсто страны,“ или „столица“. Производство отъ слова *буламак*=(возмущаться) Золотницкій совершенно устраняетъ: *бума* есть 2 лицо повелит. наклоненія настоящ. времени, и трудно допустить производство имени „Българь“ отъ этой глагольной формы.

Возраженіемъ Золотницкому является статья *П. Д. Шестакова*— „Кто были древніе болгары?“ (помѣщ. тамъ же, стр. 57—73). Шестаковъ не согласенъ съ толкованіемъ слова Българь=„великій городъ“, какъ его называютъ русскія лѣтописи, наравнѣ съ Билярскомъ; равнымъ образомъ вотскую форму имени народа *бийгер* онъ не считаетъ первичною; по его мнѣнію, прежде всего нужно рѣшить вопросъ, откуда болгары получили свое имя: сами-ли они себя назвали такъ, или сосѣди дали имъ это имя? Появилось оно въ самой глубокой древности, или въ сравнительно позднѣйшее время? Если они сами называли себя *бумарами*, то нужно искать корень этого слова въ языкѣ племени, которое по численности преобладало въ Българіи. Но мы не можемъ указать этого племени, не можемъ сказать, былъ ли народъ болгары болѣе или менѣе однороденъ въ племенномъ отношеніи, или это былъ конгломератъ, амальгама разныхъ племенъ. Путемъ очень рискованныхъ этимологій Шестаковъ пытается доказать, что на Волгѣ, въ предѣлахъ Великой Българіи, жили нѣкогда племена скиѣскія, сарматскія (*сармыс* по чувашски— „черемисинъ“), финно-угорскія, унугуры, комиотыры (зыряне, пермяки, вотяки, вогулы); къ этимъ племенамъ еще въ древности примѣшаны были чуваша-тюрки и славяне, быть можетъ застрявшіе на Волгѣ съ эпохи перваго переселенія народовъ. Послѣднее положеніе онъ подтверждаетъ свидѣтельствомъ *Ибн-Фодлана*, который называетъ болгарскую столицу славянскимъ городомъ и добавляетъ, что болгары, спрошенные въ Багдадѣ относительно происхожденія, отвѣчали: „мы—народъ, смѣшанный изъ тюрковъ и славянъ“. Остановившись потомъ на отрывкѣ византійца Никифора Грегора, кото-

рый даетъ извѣстіе о булгарахъ и затѣмъ подробно останавливается на скихъ, Шестаковъ кончаетъ тѣмъ, что присоединяется къ этимологии Грегори и производитъ Булгаръ отъ славянскаго слова *Вола* (въ значеніи *влага, волога*), плюсъ татарск. слова *jar*—рѣка (?). Такимъ образомъ, *Бумаръ* значить „рѣка Волга“. А въ концѣ статьи онъ неожиданно прибавляетъ: „имя страны *Бумарія* происходитъ отъ рѣки Волги, по тюркскому произношенію *Бума*, и слова *яр*—„рѣка“, или *ар*—„человѣкъ“, такъ что трудно рѣшить, которое толкованіе раздѣляетъ самъ авторъ.

Славянская теорія Венелина. Теорія Венелина точкой отправленія своего имѣетъ толкованіе Богуфала: *Бумарія* отъ слова *Вола*. Но Венелинъ дѣлаетъ шагъ впередъ: онъ не только указываетъ на фонетическое сходство именъ, но пытается и объяснить ихъ значеніе изъ славянскихъ корней. Въ своемъ трудѣ „Древніе и нынѣшніе болгаре“ (Москва. 1829. 8°, стр. 68) Венелинъ утверждаетъ, что слово *бумаръ* заимствовано отъ рѣки: славяне въ областяхъ, орошаемыхъ р. Волгой, получили имя *вомаровъ*. Какимъ образомъ волгары обратились въ болгаровъ, понять не трудно, говоритъ онъ:

- 1) различіе между согласными *в* и *б* очень незначительно;
- 2) очень можетъ быть, что въ древности Волга называлась *Бола*, или же сами булгары такъ называли эту рѣку;
- 3) кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, добавляетъ онъ, что историкъ Павелъ Діаконъ называетъ ихъ также *вумарамі*.

Что же, однако, значить слово Волга? Венелинъ не даетъ на это отвѣта въ названномъ сочиненіи, а довольствуется только утвержденіемъ, что это—славянское имя, потому что въ древности одни славяне его употребляли; если бы древніе булгары были татарами, то они никогда не стали бы употреблять чужого слова; и дѣйствительно, татары называютъ эту рѣку Атель, Этель, Этиль.

Значеніе слова *Вола* Венелинъ объясняетъ въ другомъ своемъ трудѣ, появившемся въ „Телескопѣ“ подъ заглавіемъ: „Старый долгъ или запоздалая антикритика на „Древніе и нынѣшніе болгаре“; онъ особенно останавливается на критикѣ проф. *Калайдовича* (напечатанной въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1829 г., VI, стр. 150), который утверждаетъ, что Волга есть славянское слово *влага*, а „волжанинъ, волгаринъ, болгаринъ“ будутъ обозначать обитателя Волги. Венелинъ

соглашается и въ тоже время не соглашается съ мнѣніемъ Калайдовича: „я думаю, говорить онъ, что слово *влага* одного корня со словомъ Волга, только имя рѣки происходитъ отъ другого существительнаго, имѣющаго нѣсколько иное значеніе. Въ словѣ *Вола* надо искать обозначеніе болотистой мѣстности“. И Венелинъ нашелъ яко бы народный географическій терминъ *воломо* или *волло*; страна, въ которой находятся болотистыя пространства, должна была называться, по его мнѣнію, *волога*, а отсюда произошла наша „Волга“.

Болгарскій ученый *Кръстјовичъ* колеблется между производствомъ слова „болгаринъ“ отъ *Вола* и прилагательнаго *благъ*: въ своей „Исторіи Гунновъ“ (глава I, стр. 20) онъ, какъ сторонникъ Венелина, считаетъ имя Волги чисто славянскимъ—отъ *влага*, но къ концу своего труда неожиданно начинаетъ держаться уже другой этимологіи—„болгаринъ“ отъ прилаг. *благъ*.

Теорія Френа. Какъ извѣстно, Френъ не былъ особеннымъ знатокомъ восточныхъ языковъ. Для объясненія имени *буларъ*, Френъ обратился къ содѣйствию казанскихъ профессоровъ *Казембека* и *Березина*, которые ему указали, что слово это происходитъ отъ двухъ корней: *вага*—вмѣстѣ и *гар*—народъ, т. е. „смѣшеніе народовъ“. Къ этому Френъ добавляетъ, что, быть можетъ, слово буларъ состояло изъ двухъ корней: слав. *бол*—болій, большой, и финскаго *гар*—народъ. Такимъ образомъ, въ концѣ VII в. различные народы, ассимилировавшіеся изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, назвались булгарами (*большимъ народомъ*) на Волгѣ и на Дунаѣ.

Финнская теорія. Во главѣ ея нужно поставить извѣстнаго слависта *Шафарика*, который отрицалъ славянское происхожденіе слова *буларъ*, имѣя въ виду, что окончаніе *гар* встрѣчается въ названіяхъ очень многихъ финскихъ (слѣдовало бы сказать угро-финскихъ) племенъ: *unugari, hungari, ungrî, ogori, sabirugori, onuguri, hunoguri, uturguri, kutriguri, saraguri* etc.; такимъ образомъ, онъ разлагаетъ слово на двѣ части: *бул+гар*, но воздерживается рѣшительно отъ всякаго объясненія этихъ словъ, отсылая только по поводу словъ *gir, gar, gur* къ осетинскому языку, въ которомъ слово это обозначаетъ „страну“. Въ то же время Шафарикъ категорически устраняетъ сближеніе словъ „Волга“ и „буларъ“: производное отъ Волга, говоритъ онъ, было-бы „волжанинъ“, а не „болгаринъ“.

Rösler въ своемъ извѣстномъ трудѣ *Romänische Studien* (*Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens*. Leipzig. 1871. Стр. 260) идетъ дальше Шафарика, и слово *бумаръ* считаетъ чисто финскимъ; точкой отправления для него служатъ имена *kut-ugur*, *ut-ugur*, въ которыхъ онъ видитъ корень *ugur* (югра). Такъ какъ окончаніе *ger*, *gar*, *gur* въ нѣкоторыхъ финскихъ языкахъ значить „племя, народъ“ и такъ какъ большинство финно-алтайскихъ народовъ называютъ себя: „человѣкъ на землѣ“ или „человѣкъ на водѣ“, напр.: 1) *ma+mies*—эстонцы, *ma+kum*—вогулы, *mur+ma*—мурома, или 2) *wut+mort*—вотякъ, *mord+wa*—мордвинъ, то слѣдуетъ и въ словѣ *бумаръ* искать подобнаго же значенія—„человѣкъ на землѣ“ или—„на водѣ“. Самымъ подходящимъ для подобной операціи языкомъ Рёслеръ считаетъ самоѣдскій, въ которомъ имѣется слово *bē*, *bī* или *bū* (смотря по говору) и значить „вода“. Такимъ образомъ, болгаринъ значить „человѣкъ на водѣ“, подобно тому какъ слово „мадьяръ“ (*magyar*) получилось изъ *ma+ger* и значить „человѣкъ на землѣ“. Послѣ такой этимологической гимнастики Рёслеру ничего не оставалось, какъ притти къ полной невозможности производить имя *бумаръ* отъ Волги. Самое слово *Аѳемъ* Рёслеръ считаетъ остяцкимъ; въ то же время онъ допускаетъ, что Волга получила свое имя отъ *бумаръ* и имѣетъ съ послѣднимъ словомъ одинъ и тотъ же корень, т. е. *бул*—вода (?! sic); такимъ образомъ, Волга будетъ значить по-русски—*ръка* по преимуществу, „всѣмъ рѣкамъ рѣка“. Одна бѣда: неизвѣстно, на какомъ языкѣ *бул* значить „вода“... Это не мѣшаетъ однако сторонникамъ Рёслера держаться его этимологіи до сихъ поръ.

Другую этимологію для слова „булгаръ“ находимъ мы у *Hunfalvy* (*Ethnographie von Ungarn*. Budapest. 1877. Pag. 252—254). Онъ разлагаетъ имя древней болгарской столицы на два корня—*бул+гар*, а въ языкахъ зырянскомъ, пермяцкомъ и вотскомъ онъ находитъ слово *гар* (sic! *кар*) въ значеніи „городъ“; такимъ образомъ Булгаръ будетъ значить—„городъ буловъ“, но кто были эти *булы*, *Hunfalvy* благоразумно умалчиваетъ. Тѣмъ не менѣе онъ останавливается подробно на имени булгаръ; по аналогіи со словами *magyar* и *kangar*, слово *бумаръ* или *бомаръ* можетъ значить „человѣкъ съ Волги, волжскій человѣкъ“; но нѣсколько ниже мы читаемъ у него, что самое имя рѣки Волга происходитъ отъ слова *бумаръ*, такъ что

оба слова *бол+га* и *Вола* у него равнозначущи. Изъ этой путаницы остается заключить, что *Hunfalvu* первоначальнымъ корнемъ слова Волга считаетъ *бул* или *бол*, но какое значеніе имѣеть этотъ корень, онъ не говоритъ, равно не объясняетъ значенія суффикса *га*.

Новая славянская теорія. Сторонникомъ этой теоріи, собственно говоря—возрожденной теоріи Венелина, можно считать нашего историка *Д. И. Иловайскаго*, который въ „Разысканіяхъ о началѣ Руси“ (2 изд. Москва. 1886—88, стр. 223) доказываетъ, что Булгарія происходитъ отъ слова *Вола* (влага, влажность). Другой самобытный ученый *В. М. Флоринскій* („Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни“. Томскъ. 1894—96. Томъ II, стр. 248—249) совершенно самостоятельно пришелъ къ заключенію, что корень слова *буларъ* есть *благ*. Совершенно справедливо Флоринскій замѣчаетъ, что сперва надо рѣшить, которое произношеніе правильнѣе: русское *бблар* или восточное въ формѣ *булар*. По его мнѣнію, самое словопроизводство можетъ быть различно, смотря по тому, будемъ ли мы названіе города производить отъ имени народа, или наоборотъ; самъ онъ думаетъ, что возможно то и другое. Если слово *буларъ* первоначально употреблялось для обозначенія народа, то въ первой половинѣ его нужно видѣть корень *благ*, а окончаніе можно разсматривать какъ суффиксъ. Исходя изъ изученія (по словарю Fick'a) суффикса *ар* въ арійскихъ языкахъ, авторъ нашъ приходитъ къ заключенію, что *ар* обозначаетъ „качество, способность“ къ тому, что опредѣляется первою половиною слова—*благ*. Быть можетъ, это слово первоначально обозначало „благо, имущество, благополучіе, счастье“; такимъ образомъ, „болгаръ“ (*бблар*) отвѣчало бы слову „благаръ“, т. е. „человѣкъ, достигшій благополучія, богатый, богачъ“, подобно тому какъ *боляр+инъ* обозначаетъ большого человѣка, аристократа. Но если допустить, что слово *буларъ* имѣло первоначально топографическое значеніе (города), то можно притти къ другому заключенію: слово разлагается тогда на *бол* (болій)+*гар* или *гард*, *град* (санскр. *gari*=гора, крутой берегъ). Такимъ образомъ, *буларъ* могло бы значить „высокая гора, высокій рѣчной берегъ“ (стр. 249). А если вмѣсто *гар* подставить первоначальную форму *град*, то получимъ *Болградъ*, т. е. „великій городъ“, какъ онъ и называется въ русскихъ лѣтописяхъ. Оригинально, но малоубѣдительно.

Обратимся теперь къ критикѣ всѣхъ вышеприведенныхъ попытокъ объяснить значеніе слова *Вола*. Съ X по XVIII в. мы имѣемъ дѣло исключительно съ такъ называемымъ народнымъ словопроизводствомъ; начиная съ Тунманна, является попытка нѣсколько ближе подойти къ рѣшенію вопроса, но только въ XIX в. были примѣнены чисто научные приемы. Постараемся распредѣлить всѣ приемы этимологизаціи по ихъ содержанію, или по существу.

I) Объясненія на основаніи *идро-топографическомъ*, т. е. исходя изъ названій рѣкъ, странъ, мѣстностей и городовъ. Этотъ приемъ главнымъ образомъ примѣненъ былъ для объясненія названія города Булгара и племенного названія народа.

Булгаръ=*бул+гар*— „волжскій человѣкъ“ (начиная съ Никифора Грегоры, такъ толковали всѣ польскіе хронисты, Щербатовъ, Лейбницъ, Шлёцеръ, Энгель, Карамзинъ, Венелинъ), а Шестаковъ производитъ отъ *Бума+гар* (берегъ Волги) или *Бума+ар* (волжскій человѣкъ). При этомъ нѣкоторые заразъ объясняли и самое слово *Вола*: Венелинъ отъ *волога*, Иловайскій и Шестаковъ—отъ *влага*.

2) *Бумаръ*— „человѣкъ на водѣ“ (Рёслеръ).

3) *Бумаръ* отъ *бийж+жер*— великая страна, столица (Золотницкій).

4) *Бомаръ* отъ *бол* (болій, велій)+*гар* (санскр. и персидск. *gari*— гора)— „великая гора“ или „высокій берегъ“ (Флоринскій).

5) *Бомаръ* изъ *Боогард* (Татищевъ), или изъ *Бомрадъ*, отъ *бол* (болій, велій)+*гар*, *гард*, *рад* (Флоринскій).

6) *Бумаръ* отъ татарск. *буман*— „укрѣпленный лагерь“ (Страленбергъ).

7) *Бумаръ* отъ персидск. *бунмәр*— глубь пещеры (народное тат. словопроизводство у муллы Багаудинова).

II) Производство отъ *собственного* имени— у Генезія и арабскихъ писателей: Андалузи, Казвини и Мирхонда.

III) Объясненія на основаніи различныхъ *свойствъ, качествъ и рода занятій*.

1) *Бумаръ*— „смѣсь“, отъ корня *бумд*, причемъ берется 3 л. ед. ч. наст. времени—*бумдәр* (Томашевъ).

2) *Бумаръ*— „мятежникъ, бунтовщикъ“, аористъ отъ глаг. *булгамдк* (Вамбери).

3) *Бумаръ* отъ *бага* (вмѣстѣ) + *гар* (народъ) = „совокупность народовъ“, „смѣсь племень“ (Френъ, по толкованію Казембека и Березина, къ которому примкнулъ позднѣе проф. Григоровичъ).

4) *Бумаръ* = „пять уйгуровъ“ (Мункачи).

5) *Бумаръ* = „боляръ“, „бояръ“ (Катанчичъ, Флоринскій).

6) *Бумаръ* отъ слав. *благъ* (болгарскіе ученые, особенно Кръстјовичъ).

7) *Бумаръ* = „благаръ“ — богачъ (Флоринскій). Сюда же можно присоединить чисто народную этимологию, которая въ ходу у современныхъ болгаръ, именно —

8) *Бумаръ* отъ тат. слова *бумар* — „торговецъ“, или *бумар* — „сафьянъ“, или же отъ слова *плугъ*, т. е. *Бумаръ* = „плугаръ“, земледѣлецъ.

IV) Рѣшеніе вопроса путемъ опредѣленія факта, *самъ ли* народъ *назвался* болгарами, или *его* такъ *назвали*.

По мнѣнію *Якова Гримма*, нужно считать общимъ правиломъ, что ни одинъ народъ не давалъ себѣ имени, а получалъ его отъ другихъ; но это мнѣніе уже давно поколеблено, и *Клейнпауль* (*Menschen und Völkernamen*) приводитъ массу примѣровъ противоположнаго свойства; по его мнѣнію, народъ тогда только теряетъ собственное имя, когда попадаетъ подъ чужое иго, утрачиваетъ самостоятельность.

Со времени *Тунманна* и *Шлёдера* научная этимологія старается отыскать въ имени болгаръ такое слово (корень), которое звучало бы или по-славянски (влага), или по-финнски, или по-тюркски. Лишь только недостаточно обоснована какая-нибудь изъ этихъ гипотезъ, сейчасъ же рушится и построенное на ней этимологическое объясненіе имени. Поэтому, съ точки зрѣнія недоказательности, основанной на игнорированіи фонетическихъ законовъ, мы можемъ совершенно отбросить, какъ совсѣмъ или мало убѣдительныя:

а) всѣ *славянскія* этимологіи школы *Венелина*, которыя недопустимы съ чисто фонетической точки зрѣнія, такъ какъ искажаютъ законъ славянскаго полногласія;

в) всѣ *старофиннскія* этимологіи (*бумар* — человекъ на водѣ) *Рёслера* и *Гунфальви*.

с) всѣ тюркскія этимологіи (*булар* отъ корня *була*), равно теорію Золотницкаго (отъ вотск. *бийёр* = *бийж* + *йёр*), позднѣе видоизмѣненную Мункачи.

Остается та, которую я выдвинулъ въ началѣ главы. Сущность ея сводится къ тому, что названіе рѣки *Вола*, въ формѣ *Вола*, принадлежитъ восточно-финнскому языку мерянъ, у потомковъ которыхъ оно до сихъ поръ уцѣлѣло въ словѣ *воллодо* и производныхъ отъ него. Западно-финнскія формы, сохранившіяся въ языкѣ эстовъ — *valge* и *valgeda* = бѣлый, съ точки зрѣнія фонетики представляютъ уже нѣчто иное. Отзвукъ этого эстонскаго корня мы находимъ лишь на западѣ Тверской губ. (рч. *Валама*).

Закончу указаніемъ на то, что въ Начальной нашей лѣтописи Волга уже на второй страницѣ упомянута въ начертаніи *Волга* („Волга, яже идетъ на востокъ, въ часть Симову“). Въ обычной формѣ *Вола* она упомянута на стр. 5: „по *Волзѣ*“; на стр. 8: „по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу“; на стр. 56: „иде на Оку и на Волгу“. Но рядомъ съ *Волга* мы встрѣчаемъ написаніе мордва (стр. 2 и 8), а подъ 1203 г. стоитъ просто *мордва*. Такимъ образомъ, оба написанія съ *еромъ* — *Волга* и *Мордва*, — дающія, казалось бы, право примѣнять законъ полногласія, являются чисто случайными.

